

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д44

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Дидьелоран, Жан-Поль.

Д44 Утренний чтец / ЖАН-ПОЛЬ ДИДЬЕЛОРАН ; пер. с франц. Ирины Стаф. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 192 с.

ISBN 978-5-17-087093-6

Каждое утро в поезде 6.27 молодой человек читает вслух отрывки из книг, пущенных “под нож” на заводе по переработке макулатуры. Некоторые пассажиры даже специально садятся с ним в один вагон — на двадцать минут поездки чтение уносит их далеко от унылых будней. Однажды он находит под сиденьем флешку с дневником неизвестной девушки, и его жизнь обретает новую цель — отыскать эту современную Золушку.

Жан-Поль Дидьелоран известен как блестящий новеллист, увенчанный престижными премиями, в том числе дважды — Международной премией Хемингуэя. “Утренний чтец” — его первый роман, сразу оказавшийся в числе лидеров продаж. Критики писали о нем как о литературном феномене: шестидесятитысячный тираж разошелся меньше чем за четыре месяца, а права на перевод купили двадцать пять стран.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-087093-6

- © Éditions Au diable vauvert, Paris, 2014
- © И.Стаф, перевод на русский язык, 2016
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

*Сабине,
без которой не было бы этой книги,*

*моему отцу,
чье незримое присутствие
по-прежнему согревает меня вечной любовью,*

Колет, моей неизменной опоре.

1.

К

то-то рождается глухим, немым или слепым. Кто-то еще не испустил первый крик, а уже оделен безобразным косяглазием, заячьей губой или уродливым “винным пятном” посреди физиономии. Бывает, что человек появляется

на свет с кривой ногой или с безвременно умершей еще в утробе конечностью. А Белан Гормоль вступил в жизнь с одним-единственным увечьем: злосчастной контрепетрией имени и фамилии — Горлан Бемоль; этот скверный каламбур достиг его слуха с первых же шагов на земле и с тех пор сопровождал его всюду.

Его родители обошлись без календаря именин на 1976 год и выбрали невесту откуда взявшееся “Белан”, ни на миг не задумавшись о катастрофических последствиях своего решения. Несмотря на острые приступы любопытства, он, как ни странно, ни разу не решился их спросить почему. Возможно, боялся их смутить. И наверняка боялся, что банальный ответ его не удовлетворит. Порой он мечтал о том, как бы сложилась его жизнь, носи он имя Лукас, Ксавье или Гуго. Да хотя бы Брелан, он и тому был бы рад. Брелан Гормоль: четыре безобидных слога, за ними можно укрыться телом и душой и спокойно строить свое “я”. Вместо этого все детство за ним ходила по пятам убийственная акрофоническая перестановка: Горлан Бемоль. Прожив на свете тридцать шесть лет, он научился тушеваться, становиться невидимым, избегать взрыва хохота и насмешек,

неминуемо поджидавших его, стоило ему себя обнаружить. Научился быть ни красивым, ни уродливым, ни толстым, ни тощим. Просто смутным силуэтом на границе поля зрения. Сливаться с пейзажем до самоотрицания, оставаться чужим, необитаемым островом. Все эти годы Белана Гормоля попросту не существовало; разве что здесь, на мрачном перроне, который он всю неделю топтал по утрам. Каждый день в один и тот же час он ждал электрички скоростного метро, стоя обеими ногами на белой полосе, которую запрещено переступить, чтобы не свалиться на рельсы. Немудренная черта на бетоне заключала в себе странную умиротворяющую силу. Запах бойни, неотвязно плававший у него в голове, здесь волшебным образом испарялся. Несколько минут, до прибытия поезда, он переминался на ней, словно пытаясь в ней раствориться, прекрасно понимая, что это лишь иллюзорная отсрочка, что уйти от варварства, ожидавшего его там, за горизонтом, можно лишь одним способом: сойти с черты, на которой он, как дурак, переступал с ноги на ногу, и вернуться домой. Да, надо просто отступить, улечься обратно в постель, вписаться в еще теплый ночной отпечаток собственного тела. Забыться и заснуть. Но в итоге он покорно стоял на белой черте, слыша, как за спиной сбивается стайка попутчиков, ощущая на затыл-

ЖАН-ПОЛЬ ДИДЬЕЛОРАН

ке легкий ожог их взглядов — напоминание, что он еще жив. С годами остальные пассажиры привыкли относиться к нему с легким снисходительным почтением, как к безобидному чудаку. Белан был дуновением, уносившим их на двадцать минут поездки за пределы монотонных будней.

2.

Состав, скрежеща всеми тормозами, остановился у перрона. Белан оторвал себя от белой полосы и взобрался по ступенькам. Узкое откидное сиденье справа от двери поджидало его. Жесткая оранжевая скамеечка нрави-

лась ему больше мягких кресел. Со временем она стала частью ритуала. В самом жесте, каким он опускал сиденье, было что-то символическое и успокаивающее. Когда вагон тронулся, он вынул из своего неизменного кожаного портфеля картонную папку. Аккуратно приоткрыл и вытащил первый листок, переложенный двумя конфетно-розовыми промокашками. Надорванная бумажка без левого верхнего угла подрагивала у него в руке. Страница из книги формата 13 × 20. Молодой человек с минуту смотрел на нее, потом положил обратно на промокашку. Постепенно в вагоне воцарилась тишина. Кое-где еще раздавались укоризненные “тсс” в адрес слишком увлекшихся разговором пассажиров. И тогда, как каждое утро, Белан откашлялся и начал читать вслух:

Скованный ужасом, мальчик, онемев, не мог отвести глаз от тельца, свисавшего с крюка на двери амбара. Мужчина поднес руку к трепещущему, полному жизни горлу зверька. Заточенное лезвие бесшумно вошло в белый пух; горячий гейзер, рванувшийся из раны, оставил на запястье алые брызги. Сильные руки отца с закатанными до локтей рукавами скупыми, точными жестами надрезали мех. Потом медленно потянули за шкурку, и она стала сползать, как обычный носок. Тонкое, мускулистое тело кроли-

ка, еще окутанное паром ушедшей жизни, предстало во всей наготе. Уродливая костистая голова болталась; выкаченные шары глаз без тени упрека созерцали небытие.

Рассвет нового дня бился в заляпанные окна; текст струился у него изо рта долгой цепочкой слогов, иногда прерывавшейся паузами, в которые пробивался стук колес. Для всех пассажиров вагона он был чтец, тот чудак, что каждый будний день громко и внятно читает несколько страниц, извлеченных из портфеля. Обрывки книг, никак не связанные между собой. Фрагмент кулинарного рецепта соседствовал с 48-й страницей последнего “Гонкура”, а абзац из детектива следовал за отрывком из исторической монографии. Содержание Белана не интересовало. Для него был важен только сам процесс чтения. Он с равным усердием декламировал любые тексты. И всякий раз совершалось чудо. Слова, вылетая из его уст, уносили частичку тошноты, подступавшей к горлу по мере приближения к заводу.

Наконец лезвие ножа открыло врата тайны. Отец сделал длинный надрез, и выпотрошенное брюшко извергло из себя дымящиеся внутренности. Связ-

ка кишок прыгнула на пол, словно спеша вырваться на волю из тюремной камеры живота. От кролика осталась маленькая окровавленная тушка, завернутая в кухонное полотенце. Через несколько дней появился новый кролик. Еще один белый пушистый шарик скакал в жарком крольчатнике, и те же кроваво-красные глаза глядели на мальчика из небытия, из-за порога смерти.

Не поднимая головы, Белан бережно вынул второй листок.

Все вокруг инстинктивно попадали ничком, отчаянно желая только одного — схорониться, зарыться поглубже в спасительное лоно земли. Кто-то копал голыми руками, как бешеный пес. Другие, сжавшись в комок, подставляли хрупкие хребты летящим со всех сторон смертоносным осколкам. Повинуясь рефлексу, пришедшему из тьмы веков, люди вжались в себя. Все, кроме Иосифа: Иосиф один стоял посреди хаоса, нелепо обняв ствол оказавшейся рядом большой белой березы. Из порезов на располосованном дереве сочился густой сок, крупными слезами блестящий на коре и медленно сползавший к корням. Дерево обмочилось, и Иосиф тоже, по ногам текла обжигающая струйка. При каждом взры-

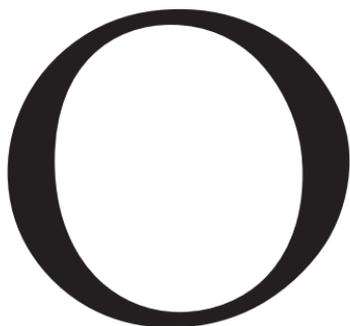
ве береза вздрагивала под его щекой, трепетала в его объятиях.

Поезд подходил к станции; молодой человек вынул уже дюжину извлеченных из портфеля листков. Чувствуя, как в гортани утихает отголосок последних произнесенных слов, он впервые с того момента, как сел в вагон, обвел взглядом других пассажиров. И как обычно, прочел на лицах разочарование, даже грусть. Это длилось всего миг, пока не зашипели двери. Вагон быстро опустел. Он тоже поднялся с места. Сиденье с сухим щелчком сложилось. Финальный хлопок. Женщина средних лет шепнула ему на ухо “спасибо”. Белан улыбнулся ей. Как объяснить, что он делает это не ради них? Он покорно вышел из теплого поезда, оставив на месте сегодняшние странички. Его грела мысль, что они тут, уютно устроились между сиденьем и спинкой, вдали от разрушительного грохота, который больше их не настигнет. Снаружи дождь поливал с удвоенной силой. На подходе к заводу в его ушах, как всегда, зазвучал хриплый голос старого Джузеппе: “Это не для тебя, малыш. Ты пока не понимаешь, но это не для тебя!” Старик знал, что говорил; сам он черпал мужество, чтобы продолжать, в дешевом красном вине. Белан не послушался, наивно пола-

ЖАН-ПОЛЬ ДИДЬЕЛОРАН

гая, что все дело привычки. Что привычка заволочет его жизнь, как осенний туман, обезболит мысли. Но прошло уже много лет, а при виде высоченного, грязного, облезлого забора к горлу всякий раз подступала тошнота. За забором, скрытая от чужих глаз, таилась Тварь. Тварь ждала его.

3.

Он толкнул калитку, ведущую на территорию завода, и та отозвалась противным писком. Скрип оторвал сторожа от чтения. Замусоленное переиздание “Британника” Расина 1936 года в его руках

походило на раненую птицу. Белан порой спрашивал себя, случается ли Ивону Гримберу хоть иногда выходить из своей будки. Добряк с поистине царственным пофигизмом принимал неудобства открытой всем ветрам каморки размером три на два метра, лишь бы огромный пластмассовый ящик, где он хранил книжки, был всегда при нем. В свои 59 лет он сохранил в жизни только одну настоящую любовь — к театру эпохи классицизма, и в перерыве между подвозами нередко перевоплощался в Дона Дьего или, облачившись в воображаемую тогу Пирра и гоняя своими большими руками воздух в тесной клетушке, выпадал на время пламенной тирады из той бесславной роли, за которую получал сущие гроши и которая состояла в том, чтобы поднимать и опускать красно-белый шлагбаум, перекрывающий въезд на завод. Всегда подтянутый, с иголки одетый, он с особым тщанием ухаживал за усами, тонкой чертой обрамлявшими его верхнюю губу, и не упускал случая процитировать великого Сирано: “Уж если дворянин начнет крутить усы, его не оторвать от этого занятия!”¹. Открыв для себя александрийский стих, Ивон Гримбер немедленно в него влюбился. Ревностное и верное служе-

1 Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак. Действие I, сцена 1. Перевод Вл. Соловьева. (*Здесь и далее — прим. перев.*)